Шипулин В.О.

Сегодняшний этап развития России в контексте постиндустриальных трендов

В статье осуществляется анализ современной стадии развития России с точки зрения положений общепризнанной в наши дни теории постиндустриального (информационного) общества, оцениваются кардинальные перемены, произошедшие в стране в последние годы, исследуются перспективы осуществления в России проекта постиндустриальной модернизации.

Современная Россия переживает очень важный и сложный период развития. В последние пятнадцать - двадцать лет произошла кардинальная трансформация ее экономического уклада, политического устройства, изменились культурно-ценностные предпочтения большей части населения. Ушли в прошлое идеологические постулаты, определявшие развитие страны на протяжении десятилетий. В сегодняшней ситуации перед Россией стоит задача поиска новых ориентиров социальной эволюции, новых экономических и политических моделей и институтов, адекватных вызовам современности.

В этой связи многие исследователи обращают внимание на теорию постиндустриального общества – теорию, пожалуй, наиболее популярную среди современных доктрин социального прогресса. Постиндустриальное общество характеризуется как новый этап общественного устройства, который приходит на смену индустриальному и базируется на информации и знаниях в качестве основных источников экономического прогресса, предполагает становление класса интеллектуалов как новой элиты, творческую мотивацию производственной деятельности и формирование у большей части населения системы постматериалистических ценностей. Считается, что ряд развитых стран Запада уже вступил в постиндустриальную стадию социального развития. Движение в направлении этого социального состояния становится перспективой и для многих других стран (в том числе и для России).

В статье с точки зрения соответствия постиндустриальным тенденциям рассматриваются кардинальные перемены, произошедшие в России в последние годы, оценивается возможность осуществления здесь в перспективе постиндустриального проекта.

Любопытно, что еще в 60-е – 70-е годы прошлого столетия некоторые западные исследователи, считающихся классиками постиндустриальной теории (Д. Белл, О.Тоффлер) полагали, что Советский Союз наряду с другими развитыми индустриальными странами стоит на пороге постиндустриальной стадии развития. При этом, очевидно, имелись в виду такие черты советского общества, как достаточно высокий уровень развития научной и образовательной сфер, обеспечение пусть не слишком высокого, но все же достаточного уровня материального благосостояния подавляющей части населения, в определенной (хотя и далеко не полной) степени соответствующий достигну-

тому на Западе уровню общества массового потребления, возникновение социального слоя, рассматривающего не удовлетворение насущных материальных потребностей, а творческую самореализацию в качестве целевой жизненной установки.

Однако вместе с тем в самых разных сферах советского социума сохранялись отчетливо различимые элементы раннеиндустриального, а кое-где даже традиционного уклада. Нельзя, в частности, не принимать во внимание огромное значение традиционного по своей сути топливно-сырьевого сектора советской экономики, который не только не утрачивал своего значения по мере осуществления индустриальных преобразований, но, напротив, становился одной из основных составляющих базиса советской хозяйственной системы.

В конце двадцатого века Советский Союз подошел к такому этапу своего развития, когда, модель форсированной индустриальной модернизации исчерпала себя. Централизованная система управления экономики не справлялась со все более сложными задачами. Фактически прекратился экономический рост, увеличивалось технологическое отставание от наиболее развитых стран мира, вступивших в постиндустриальную стадию развития, все менее убедительным казалось идеологическое обоснование существующей модели развития.

Глобальный кризис индустриальной модели развития, с которым столкнулся СССР в восьмидесятые годы прошлого столетия, и который западные страны ощутили еще несколько десятилетий до этого, сопровождался нерешением таких важных модернизационных задач, как создание полноценного рынка товаров, денег и труда, установление политической демократии, обеспечение свободы личности.

Новые вызовы, перед которыми оказался Советский Союз, требовали поиска адекватного ответа. Таким ответом сначала стали безуспешные перестроечные инициативы М.С.Горбачева, а затем радикальные, предполагающие кардинальную смену модели социально-политического развития реформы 90-х годов.

Реформаторы 90-х годов XX века по сути взяли за основу линеарную модель модернизационного процесса, реализовать которую пытались страны т.н. «третьего мира» в 60-70-е годы прошлого столетия, и которая заключалась в перенесении на отечественную почву существующих в западных странах экономических и политических институтов, что означало форсированное внедрение рыночных механизмов в экономику и выборно-демократических процедур в политическую практику. Однако при этом реформаторы не принимали во внимание, что западные страны к этому времени успешно вступили в постиндустриальное состояние, а то, к чему призывали и что осуществляли они, представляло собой попытку достичь не новых уже стандартов индустриального общества.

Тем не менее, в результате изменений, произошедших в стране в 90-е годы прошлого века, возникли определенные, ранее не существовавшие возмож-

ности для последующего развития в соответствии с постиндустриальными трендами.

В новой России произошла коренная смена экономического уклада. Была проведена приватизация, что способствовало возникновению института частной собственности, и что, в свою очередь, явилось предпосылкой создания конкуренции в хозяйственной деятельности. Ввиду того, что осуществление постиндустриального проекта предполагает наличие института развитой рыночной экономики, действия реформаторов в этом направлении, вне зависимости от того, какими целями они при этом руководствовались, следует признать прогрессивными.

В девяностые годы был продолжен намеченный еще в предыдущее десятилетие курс на демократическое переустройство политической системы страны. Впервые за тысячелетнюю историю России появилась возможность не для формального, а для полноценного народоизъявления. Неотъемлемыми атрибутами современного российского общества стали свобода слова и обмена информацией, свобода передвижения и выезда за границу, возникли условия для формирования гражданского общества. Данные изменения также соответствуют вектору движения российского общества к современным образцам, поскольку демократическое устройство власти и наличие институтов гражданского общества являются неотъемлемым признаком любого государства, вступающего в постиндустриальную эпоху.

Еще одним важным достижением реформ последнего десятилетия прошлого века стало полноправное вхождение России в мировое экономическое сообщество, становление открытой экономики, включение ее в систему глобальных хозяйственных связей.

С другой стороны, рассматриваемые реформы во многом шли в разрез с постиндустриальными тенденциями.

Произошло обвальное ухудшение всех социально-экономических показателей, что позволяет характеризовать ситуацию, сложившуюся в экономике страны как беспрецедентный в современной истории кризис. При этом наиболее пострадавшими в результате катастрофы 90-х годов оказались как раз те отрасли, которые, помимо того, что являлись основными для развития страны и жизнеобеспечения населения, представляли собой элементы постиндустриального типа хозяйства. Это такие высокотехнологичные производства, как приборостроение, электроника и микроэлектроника, находившееся в зачаточном состоянии производство вычислительной техники. В кризисе оказались и другие, традиционные для индустриального производства отрасли. С точки зрения технико-технологических показателей, которые, как известно во многом определяют возможность осуществления постиндустриального проекта, страна оказалась в худшем положении, нежели в советское время. Фактически можно вести речь о процессе деиндустриализации в эти годы.

В то же время, на определенных направлениях технологического развития именно в 90-е годы наметился существенный прогресс. Речь, в частности, идет о сфере связи, основанной на развитии телекоммуникационных систем,

космических средств, оптоволоконной техники. Если ко времени распада Советского Союза, как отмечают Л.А. Гордон и Э.В. Клопов, страна отставала от постиндустриальных государств на 2 - 4 порядка, по всем направлениям информатизации, в том числе по программному обеспечению, числу персональных компьютеров (уровень отечественного компьютерного производства и объем информационно-вычислительных услуг составлял на душу населения около 1 % от американского) [1. С.30], то в рассматриваемый период произошло массовое внедрение в производство, быт, сферу образования компьютерной техники. Сложно сказать, явилось ли это непосредственным следствием проводимых реформ, однако факт остается фактом – в плане освоения широкими массами населения компьютерных технологий страна сделала шаг по направлению к стандартам постиндустриального (информационного) состояния, если, разумеется, рассматривать исключительно количественную сторону вопроса.

Одним из главных признаков постиндустриального общества является сокращение доли занятых в доиндустриальных и промышленных секторах производства и рост занятых в сфере услуг, прежде всего информационных. В результате обвала промышленности в 90-е годы в структуре экономики и занятости можно было отметить тенденцию, на первый взгляд, соответствующую тенденциям постиндустриального развития: доля индустриального сектора сокращалась, а доля сферы услуг росла. По расчетам А.И. Ракитова, если в 1990 году доля занятых в сфере услуг и информации составляла не более 17 %, то в 1993 – уже 25%, а В 1994 – 40%[2. С.56]. Однако, в отличие от западных постиндустриальных стран, где падение доли индустриального сектора было связано с абсолютным возрастанием производства услуг и повышением их качества, в России «доля услуг в ВВП столь быстро возрастала по причине более медленного сокращения этой сферы в сравнении с падением производства материальных благ» [3. С.231]. В основном рост числа занятых произошел в сфере торговли и финансовой сфере, а, к примеру, число работающих в научной сфере существенно сократилось. Однако если рассмотреть сферу информационных услуг, то здесь очевиден значительный рост занятости.

Реформаторы 90-х годов в качестве одной из своих основных задач указывали необходимость и возможность создания в России среднего класса, составляющего в развитых странах Запада около двух третей населения. Исследователи, посвятившие себя постиндустриальной проблематике (Д.Белл, Э.Гидденс, Р.Дарендорф, М.Кастельс и другие) уделяли много внимание проблеме среднего класса (вернее, проблеме формирования «нового» среднего класса), который составят квалифицированные рабочие, менеджеры, работники сферы услуг, информационного сектора, то есть те, кто обладает интеллектуальной собственностью и/или имеет навыки сложной трудовой деятельности.

В последние десятилетия советской власти возник тот социальный слой, который, по многим параметрам соответствовал идеалу нового среднего класса, сформулированного теоретиками постиндустриального общества.

Именно у этих людей формировалась постматериалистическая система ценностей, именно для них творческая составляющая профессиональной деятельности становилась наиболее важной. Именно эти-то слои населения и пострадали в наибольшей степени от кризиса 90-х годов. В результате российских реформ произошло образование абсолютно недопустимых для современного Запада социальных контрастов, разделение общества на богатое и сверхбогатое меньшинство и малоимущее бедное большинство. Уровень доходов десяти процентов самых обеспеченных жителей России превысил уровень доходов наименее обеспеченных в 12-15 раз.

Тем не менее, большинство российских исследователей полагает, что и сегодня средний класс в России существует. Однако в качестве основного критерия причисления того или иного человека к представителям среднего класса при этом выступает, как правило, материальный критерий. Прежде всего, к среднему классу в новой России причисляют бизнесменов, а также представители различных профессий с характерным предпринимательским менталитетом.

Еще одной отличительной чертой постиндустриального общества является высокий социальный статус образования. В сегодняшней России внешне все выглядит вроде-бы не столь негативно: количество высших учебных заведений значительно выросло в сравнении с советским периодом; соответственно, возросло количество обучающихся в них студентов (практически каждый выпускник средней школы сегодня успешно поступает в ВУЗ); образовательная сфера стала в достаточной степени информатизированной; появилась возможность знакомиться с недоступными ранее научными источниками; студенты и преподаватели стали активно общаться со своими зарубежными коллегами. Все эти достижения адекватны императиву о приоритете образования в постиндустриальном обществе. Однако качество образовательных услуг при этом существенно снизилось. Не способствовало их росту массовое преобразование бывших средних специальных учебных заведений в высшие. В большинстве государственных ВУЗов заработная плата преподавательского состава оказалась намного более низкой в сравнении с советским периодом, многие выпускники высших учебных заведений не могут найти себе работу по специальности. Кроме того, увеличился и без того достаточно ощутимый разрыв в качестве обучения ведущих ВУЗах страны и в массе периферийных учебных заведений.

Вступление ряда наиболее развитых индустриальных стран в постиндустриальную стадию развития сопровождалось изменениями культурно - ценностных ориентиров значительной части общества. В результате резкого повышения качества жизни населения на второй план отошли материальные интересы, забота о завтрашнем дне, а в качестве основополагающих ценностей стали рассматриваться разностороннее развитие личности, реализация творческих способностей, воспитание детей. Труд вместо экономической необходимости становится способом свободного, неподконтрольного самовыражения. В идеале постиндустриальное общество – это общество творчески ориентированных личностей, стремящихся к самореализации.

Российские реформы девяностых также характеризовались радикальной сменой ценностных ориентиров у значительной части населения. Возросла популярность таких ценностей модерна, как права человека, собственность, индивидуализм. В то же время для значительной части населения оставались значимыми традиционные для России ценности, культивируемые и в советский период. В частности, многочисленные социологические опросы констатировали высокую ценность *Семьи, Порядка, Безопасности* [4. С.186]. Однако сочетания новых ценностей, активно внедрявшихся в массовое сознание в этот период и без восприятия, которых, на самом деле, вряд ли возможно успешное осуществление реформ, с традиционными нравственными нормами (пусть и в измененном варианте) предложено не было. Как бы то ни было, изменения, происходившие в сфере массового сознания и общепринятой системе ценностей россиян, в малой степени соответствовали нормативно-ценностным стандартам постиндустриального общества. Пожалуй, лишь достижение плюрализма и индивидуализма в ценностной сфере соответствовало критериям постиндустриальной модернизации. В остальном же происходящие изменения направлены были на достижение социокультурных стандартов позднеиндустриального, буржуазного общества. Популярным становилось вовсе не освобождение от экономических мотивов, не постматериалистическое отношение к жизни, а, напротив, сугубо прагматическое мировосприятие, культ потребительства и богатства.

Реформам 90-х годов сложно дать однозначную оценку с точки зрения их соответствия трендам постиндустриализма. В результате реформ определенные сегменты общества вроде-бы приблизились к состоянию, способному послужить отправной точкой для последующей постиндустриальной модернизации, но, то же время, с точки зрения других параметров, российское общество не только не продвинулось вперед по сравнению с советским периодом, а отодвинулось назад, в сторону раннеиндустриального и даже доиндустриального состояния. В целом, несмотря на революционные изменения, Россия на рубеже тысячелетий, оказалась не ближе и не дальше от того уровня социального развития, который принято называть постиндустриальным.

Однако, если до рассматриваемых изменений, при отсутствии свободного рынка и гражданского общества, постиндустриальный проект был в нашей стране вовсе невозможен, то ситуация, сложившаяся в итоге этих перемен, стала кардинально иной. Экономический и социальный упадок, каким бы глубоким он ни был, позволяет предполагать его временный характер, и в перспективе надеяться на осуществление в будущем постиндустриальной модернизации.

Относительно самой возможности, а также предполагаемых сроков осуществления в России постиндустриального проекта сегодня существуют три точки зрения.

Самый оптимистический вариант заключается в предположении, что Россия способна в достаточно короткий срок избавится от структурных перекосов в экономике, и, опираясь на еще не растраченные заделы в научной сфере и достижения в сфере образования, сможет через не столь отдаленный про-

межуток времени вступить в клуб постиндустриальных стран. Эта точка зрения разделялась отдельными представителями научного сообщества на начальном этапе реформ. В частности, А.Ракитов полагал, что при всех негативных последствиях экономического кризиса начала 90-х годов, именно тогда зародились те глубинные процессы, ведущие страну к принципиально новому этапу ее цивилизационного развития и «модель информационно-индустриального общества как некоего общего исторического и социального образа будущего России, и притом неотдаленного, совсем не такая уж фантазия»[2. С.59]. Однако ни тогда, ни сегодня данная установка не стала широко распространенной ни среди широких масс населения, которые в основном озабочены сугубо утилитарными повседневными проблемами и далеки от восприятия тонкостей новых социальных теорий, ни среди административной элиты, воспринимающей (возможно справедливо) подобную позицию как утопическую.

Другая точка зрения, являющаяся, пожалуй, наиболее популярной сегодня, заключается в том, что Россия должна в ближайшем будущем стремиться не к осуществлению постиндустриального проекта, а к занятию почетного места среди индустриальных держав, развивать высокие технологии, и постепенно, на этой основе формировать предпосылки к переходу в постиндустриальное состояние, «поскольку перспективы быстрого вхождения в круг постиндустриальных держав у нее отсутствуют»[5. С.274].

Постиндустриальный проект в этом случае отодвигается на неопределенный срок, а «адекватной формой российского государства может быть … социал-демократическое государство эпохи индустриализма»[6. С.85]. В этом случае имеется в виду как использование еще не окончательно растраченного в период реформ научного и промышленного потенциала советского времени при его соответствующей реорганизации, так и осуществление технологической модернизации, связанной с развитием новых, современных отраслей экономики, с опорой на привлечение иностранного капитала и на определенные конкурентные преимущества (наличие достаточно квалифицированной рабочей силы, ее относительная дешевизна, отсутствие недостатка сырьевых ресурсов).

Однако в случае проведении в жизнь данной модели развития возможно (в лучшем случае) лишь воспроизводство уровня экономического и социального развития западных стран второй половины XX века, в то время как сами эти страны давно уже следуют постиндустриальной парадигме развития.

Еще одна точка зрения (правда, редко артикулируемая открыто) состоит в том, что шанс занять место в ряду постиндустриальных стран безвозвратно упущен и перспектива дальнейшего развития заключается в приоритетном развитии топливно-сырьевого сектора, превращении России в энергетическую сверхдержаву.

Данная позиция стратегически крайне опасна. Отсутствует возможность более или менее достоверного прогнозирования цен на энергоресурсы, на смену всякому источнику энергии рано ли поздно приходит другой, и в этом смысле долгосрочная ориентация на успешное развитие экономики на топ-

ливно-энергетической основе ведет в тупик. Сомнительно, также, что сложившаяся в последние полтора десятилетия сырьевая элита может стать инициатором проекта постиндустриальной модернизации, поскольку не имеет к этому ни потребностей, ни стимулов. Опора на доиндустриальный, по сути, сектор хозяйства ведет к невозможности в принципе осуществления в будущем постиндустриального проекта, означает в перспективе не только превращение России во второразрядную индустриальную страну, но отбрасывает ее в разряд традиционных по большинству параметров обществ, каковыми является большинство стран Персидского залива.

Разумеется, это не означает, что высокие экспортные доходы являются в целом негативным фактором для страны, однако их использование будет эффективным лишь в случае направления этих средств на создание новых, постиндустриальных секторов экономики, на внедрение инноваций, на поддержку созидательно-творческих сил.

Поэтому ни административная, ни интеллектуальная элита не должна забывать о том, что ориентация на формирование постиндустриальной реальности -- единственно возможный способ для России не оказаться навсегда в положении догоняющей стороны. Отставание сейчас не может в дальнейшем быть ликвидировано привычными мобилизационными методами, как это неоднократно происходило (пусть лишь и по некоторым параметрам) прежде. Кроме того, место в ряду второразрядных держав вступает в противоречие с национальным самосознанием и историческими традициями страны.

Осуществление постиндустриального проекта не означает слепого следования каким-либо внешним образцам. Всякое общество (и Россия не исключение) обладает своей модернизационной спецификой, развивается как особая социально-культурная целостность. Однако вряд ли стоить полностью отрицать и универсальность общемировых экономических, политических, духовных тенденций. Путь изоляционизма в современных условиях губителен для России, ибо современный постиндустриальный мир есть мир глобализированный. Цивилизация, в силу тех или иных обстоятельств перестающая учитывать в своем развитии тенденции времени, рискует навсегда оказаться в арьергарде общемирового развития, и, в конце - концов, исчезнуть как субъект исторического процесса. В истории немало примеров подобного рода.

Постиндустриальная теория, предполагающая последовательную смену доиндустриального состояния индустриальным, а индустриального – постиндустриальным, опирается на конкретные факты и тенденции. Это, однако, не означает, что новое социальное состояние рано или поздно будет достигнуто везде в силу объективных причин. Россия в условиях присущего ей догоняющего характера модернизации особенно нуждается в осознании постиндустриальных закономерностей как элитами, так и широкими слоями общества. Речь может даже идти о формировании на государственном уровне постиндустриальной стратегии, призванной обозначить основные императивы нового социального состояния и выработать средства достижения его основных стандартов, сделать постиндустриальную перспективу развития Рос-

сии понятной каждому гражданину и сформировать устойчивый консенсус в обществе относительно позитивного восприятия этой перспективы.

Хотя постиндустриальную стадию общественного развития не стоит идеализировать, современная социальная теория по сути не предлагает нам иных позитивных сценариев будущего. Именно эта стадия предполагает наличие общества массового потребления, возможность разрешения экологических проблем, гармоничное сочетание индивидуализма и коллективизма, либерализма и коммунитаризма.

Разумеется, постиндустриальный сценарий развития России выглядит трудным для реализации в сегодняшних условиях. Тем не менее, именно он является, по существу, единственным, дающим возможность России сохраниться в качестве значимого субъекта исторического процесса. Любое общество способно успешно развиваться лишь в случае его ориентации не только на прошлое и настоящее, но и, прежде всего, на будущее. Как нам кажется, идея осуществления постиндустриальной модернизации имеет шанс стать консолидирующей для российского общества в ближайшем и более отдаленном будущем.

Библиография.

1. Гордон Л. А., Клопов Э.В. Потери и обретения России девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 1: Меняющаяся страна в меняющемся мире: предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. - 304с.
2. Ракитов А.И., Панов Е.Д. Путь России: понять и жить. Социально-философские этюды. – М.: Республика, 1995. – 127с.
3. Медведев В.А. Перед вызовами постиндустриализма: Взгляд на прошлое, настоящее и будущее экономики России. - М.: 2003. – 438с.
4. Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Наука, 2004. – 246с.
5. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество. – М.: Логос, 2000. – 304с.
6. Федотова В.Г. Социальное государство и гражданское общество в современной России // Свободная мысль. - 2002. №7. С. 78-94.